

Станислав ВТОРУШИН

КОНВОЙ

Повесть

1

Медицинская сестра лишь назвалась, а Иван Спиридонович уже все понял и почувствовал, как дрогнуло сердце и перехватило дыхание. Едва шевеля непослушным языком, он глухо выдавил только одно слово:

— Когда?

— Только что повезли в морг, — сказала сестра.

У Ивана Спиридоновича затряслись ноги, он сел на стул, тяжело опустив на колени руку с телефонной трубкой. Мир рухнул. Все, к чему стремился многие годы, стало ненужным. Словно из-под него выдернули опору, и он, шаря слепыми руками, пытался схватиться за стену, вдоль которой скользил. Да так, собственно, и было. Варя всю жизнь была его единственной надежной опорой. Втянув голову в плечи и сразу став маленьким и одряхлевшим, он сидел на стуле, словно человек, выброшенный после кораблекрушения на необитаемый остров. Жить осталось, но от этого легче не стало.

В телефонной трубке все еще раздавались короткие гудки. Иван Спиридонович скосил глаза на колени и положил трубку на телефонный аппарат. Растерянным взглядом обвел комнату. Каждая вещь в ней напоминала о Варе. У порога стояли ее туфли, на спинке стула висела кофточка. Направляясь в больницу, она рассчитывала до обеда вернуться домой, а оказалось, что ушла навсегда. После врачебного осмотра Варю сразу уложили в палату и начали готовить к операции. У нее обнаружили сильное желудочное кровотечение.

Все эти дни Иван Спиридонович навещал ее утром и вечером. Последний раз был вчера, сразу после операции. Варя едва шевелила губами, пытаясь говорить. Губы у нее были синие и неживые, словно чужие. Но он разобрал все слова. Варя спрашивала о дочери. Та тоже лежала в больнице со сломанной ногой. Он солгал, сказав, что Маша выписалась и чувствует себя нормально. Ниоткуда она не выписалась и на похороны матери приехать не сможет. «За что же мне все это под самый конец жизни? — с безысходным отчаянием думал Иван Спиридонович. — За что?..»

В Рудногорск они с Варей приехали сразу после войны. Иван Спиридонович, только что выписавшийся из госпиталя, был еще плох, и шофер ЗИС-5, возивший уголь со станции в город, взял его с собой в кабину. Варя вместе с другими пассажирами пришлось ехать в кузове прямо на угле. Автобусов тогда не было и в помине. Каждый подстелил под себя что мог,

но когда добрались до города, все пассажиры походили на шахтеров, поднявшихся из забоя. У Вари белыми остались только зубы да белки глаз. Иван Спиридонович рассмеялся, увидев ее, а она, обидевшись, сказала:

— Хотела бы я посмотреть на тебя после того, как ты проехал на этом угле сорок пять километров.

Такой измазанной она и появилась перед младшим братом Ивана Спиридоновича — Митей. Тот пришел с фронта два месяца назад, но уже начал обживать в своем доме. Поправил забор, отремонтировал крыльцо и баню, подновил крышу на повети. Митя, в отличие от старшего брата, всегда с удовольствием занимался хозяйственными делами. За годы войны он соскучился по ним и сейчас все делал с особой радостью и тщанием.

Митя ждал брата. Иван Спиридонович еще из госпиталя написал ему, что, как только поправится, сразу поедет в Рудногорск. Больше ехать было некуда. Да, откровенно говоря, и не хотелось. Даже в огромной стране у каждого человека есть уголок, дорожке которого нет на свете. Душа Ивана Спиридоновича рвалась на родину. К сопкам, которые исходил своими ногами вдоль и поперек, к синеватой, убегающей в бесконечность, тайге, к неоглядным просторам. Когда машина подъезжала к городу, он почувствовал, как перехватывает дыхание и начинает пощипывать в сухих глазах. За четыре года войны ему ни разу не удалось увидеть гор. Его полк воевал то в снегах Подмосковья, то в болотах Белоруссии, а в конце войны перед самым ранением — на равнинах Польши. И сейчас при одном взгляде на сопки заходило сердце.

Они уже порыжели от жаркого солнца, но в ложбинах и под скалами ярко зеленели кусты собачника и непролазного бело-розового шиповника, источавшего одуряющий пряный аромат. Все эти сопки Иван Спиридонович облазил еще пацаном и знал на них каждый ключ, каждый куст черемухи.

Митя был чем-то занят в ограде, когда Иван Спиридонович с Варей подходили к дому. Увидев их, он кинулся навстречу, схватил брата в объятия, пытаясь стиснуть, но Иван Спиридонович тихо охнул и Митя разжал руки.

— Извини, братка, забыл, что ты у нас хворый, — сказал Митя и повернулся к Варе.

Она стояла в стороне, опустив на землю вещевой мешок. На ней была солдатская гимнастерка, зеленая солдатская юбка и коричневые парусиновые туфли на низком каблуке. Лицо Вари, ее руки и ноги были черными. Митя сразу догадался, что она ехала в кузове на угле и, торопливо поздоровавшись, сказал:

— Сейчас истоплю баню, и приведете себя в порядок.

Пока Иван Спиридонович с Варей мылись, в доме был накрыт стол, посередине его на чистой скатерти стояла заткнутая белой тряпочкой бутылка самогонки, в тарелках — вареные яйца, картошка, огурцы. За

А
столом Митя, сияя озорными глазами, все время бросал взгляд на Варю. Иван Спиридонович понял, что он одобряет его выбор. У Вари было хорошее чистое лицо, тонкие брови и добрый, сразу располагающий к себе взгляд.

С этого и началась их совместная жизнь в Рудногорске. Митя вскоре переселился на таежную заимку, где завел большую пасеку. А Иван Спиридонович с Варей остались в доме, который раньше принадлежал родителям братьев. Осенью Иван Спиридонович пошел работать в школу учителем истории, Варя — медсестрой в городскую больницу. Большую жизнь они прожили вместе. Большую и хорошую. И если бы не последние годы, ставшие настоящим адом, можно было бы умирать со спокойной душой. Последние годы и убили Варю.

Обо всем этом думал Иван Спиридонович, одиноко сидя за кухонным столом и время от времени бросая взгляд через окно на улицу. Надо было собираться и идти в больницу, а он не мог подняться, словно лишился последних сил. Боялся увидеть мертвую Варю. Потому и смотрел в окно, ожидая подмоги. Улица в этот сырой сумеречный день казалась чужой и пустынной. За последний час по ней пробежал только соседский мальчишка Санька Кузьмин. Он был в черных шортах с белыми лампасами и застиранной, неопределенного цвета футболке. Родители у Саньки пили, и он рос сам по себе. Иногда не только неделями не переодевался в чистое, но и куска хлеба не имел. В такие дни его кормила Варя.

Иван Спиридонович отвернулся от окна и тяжело вздохнул. И в это время услышал, как в сенях кто-то шаркнул, затем в дверь постучали. Ответить он не успел. На пороге появился Николай Михеевич Долгопятов, его давний приятель с соседней улицы. Долгопятов был грузным человеком с круглыми плечами и переваливающимся через ремень животом. Может быть, именно поэтому он поражал своей подвижностью. Он не шагал, а подпрыгивал, словно мячик. Иван Спиридонович никогда не мог угнаться за ним. Закрыв за собой дверь, Долгопятов переступил с ноги на ногу и, опустив голову, глухо произнес:

— Прими мои соболезнования, — подошел к Ивану Спиридоновичу, стиснул его за плечи мягкими сильными ладонями и добавил: — Крепись, Иван. Теперь уж ничего не поделаешь, а жить еще надо...

Иван Спиридонович не удивился тому, что Долгопятов так быстро узнал о смерти Вари. Рудногорск — городок маленький, любая новость здесь распространяется тут же. Не сейчас, так через час она становится достоянием всех.

Долгопятов сел за стол напротив Ивана Спиридоновича, поднял на него глаза. Несколько мгновений молчал, потом спросил, отведя взгляд в сторону:

— Когда хоронить-то будешь?

А